

Критика и библиография

Два художника, две судьбы

Творчество мастеров «Мира искусства» — художественного объединения, сложившегося в России на рубеже прошлого и нынешнего столетий, сегодня вызывает возрастающий интерес и у нас, и за рубежом. Свидетельство тому — недавняя выставка «Москвы — Париж»: «мирискусники» заняли на ней одно из центральных мест.

Среди исследователей «Мира искусства» — доцент Уральского государственного университета С. В. Голынец, автор книг и статей о замечательных живописцах и графиках, театральных художниках и иллюстраторах начала XX века. Недавно появились две его новые книги.

Исследование о Л. С. Баксте, одном из организаторов «Мира искусства», выпущено в Ленинграде издательством «Художник РСФСР». Книга невелика по объему: в ней нет и ста страниц. Она не содержит привычного биографического описания. Читателя не будут утомлять и искусствоведческими «штудиями», так важными в обширных монографиях. Но, завершив чтение этого литературно-искусствоведческого этюда, любители живописи и театра, ценители художественных открытий и исследовательской эрудиции обнаружат, что за какое-то мгновение перед ними прошла сложная, трагическая-противоречивая, но и возвышенная страница в русском искусстве начала бурного XX века.

При всем блеске творчества, при славе, которую Бакст сполна отведал при жизни, он, как и многие его современники, близкие ему по идейно-художественным позициям, оставался художником одиноким. «Разорванность» мира, сознания, характерные для части художественной интеллигенции начала XX века, не проявились в творчестве Бакста так определенно, как это было, например, у Врубеля или Сомова. Но слова самого Бакста, объясняющие смысл графической эмблемы журнала «Мир искусства»: «... «Мир искусства» выше всего земного, у звезд, там оно царит надменно, таинственно и одиноко, как орел на вершине снеговой...».

В искусстве Бакста, как и в его сознании, рождались образы, «обретавшие романтический и символический характер». Он мечтал о большой станковой картине, а достиг успеха в театре и камерных формах искусства. Он много времени потратил на полотно «Приезд адмирала Авелана в Париж», но «о возросшей свободе владения линией» современники и потомки могли судить по «скандальной» «Даме с апельсинами».

Говоря о чертах нового стиля, об истоках бакстовской модерна в связи с этой картиной, С. Голынец дает анализ-описание всего из нескольких строк — одну из тех инкрустаций-вкраплений, которые неназойливо украшают страницы книги. Одинокая фигура в длинном бархатном платье со шлейфом видится исследователю той незнакомкой, чей образ пленяет и поэтов, и художников, и артистов в начале века. А вот описание-портрета С. П. Дягилева: «...Как будто влекомый временем, судьбой, отодвинулся темный-синий, почти черный занавес, на котором особенно выразительным кажется обращенное к зрителю чувственное, высокомерное лицо, не лишенное обаяния благодаря своей неповторимой характерности, живому, умному взгляду...».

За этим занавесом — начало зарубежных театральных триумфов Бакста и Дягилева.

Будучи одним из участников дягилевской антрепризы, знаменитых «Русских сезонов» в Париже, Бакст, как и Дягилев, был человеком театра. И тот и другой боготворили мир лицедеев.

В искусстве Бакст более всего ценил линию, ликование линий. Быть может, потому большая часть его сил была отдана балету. «Та-

лант Бакста, смелого и изысканного декоратора, виртуоза «прекрасной линии», великолепно чувствовавшего пластику человеческого тела, грацию движений, был предназначен для балета», — читаем в книге С. Голынца.

Художника увлекала культура Востока, и он отдал ей дань в «Шехеразаде». И не только в ней. Он слил Восток и Запад, оформляя уайльдовскую «Саломею». Как и другие «мирискусники», Бакст восхищался стихией карнавала, его часто печальным весельем. Художник знал и любил, а потому так тонко умел воссоздать в знаменитом балете «Призрак розы» атмосферу романтического балета ушедших 30—40-х годов XIX века.

Но истинным шедевром, как пишет С. Голынец, стал лист, на котором изображен герой балета «Послеполуденный отдых фавна». Это, действительно, поразительное ооздание, в стилистике которого встретились культуры уходящего века и века наступающего. «Послеполуденный отдых фавна» — спектакль, открывавший новые, дотоле неизвестные пути в балете. Может быть, изобразительное решение, отличие от музыки К. Дебюсси и хореографии В. Нижинского, не обнаружило тех очевидных новшеств, которые были слышны в звуках и видны в пластике тел. Однако эскиз костюма фавна, как, впрочем, и эскизы костюмов к другим спектаклям, «будучи абстрагированными от театральной бутафории, видятся в каком-то идеальном спящем пространстве и предвещают позднейшие завоевания балета».

Думается, что это одно из интереснейших и оригинальных наблюдений исследователя выражает итог творчества мастера и связывает Бакста с балетом XX века.

«Мирискусники» обладали замечательной способностью распознавать таланты. Так, Л. С. Бакст привлек к своей группе молодого графика, в будущем прославленного интерпретатора русской старины, иллюстратора сказки И. Я. Билибина. К его творчеству С. В. Голынец обращается не впервые. Составленный им сборник статей и писем художника, воспоминаний современников, а также монография о Билибине (написанная в соавторстве с Г. В. Голынцем) давно оценены специалистами, отечественными и зарубежными.

Новый заказ пришел от ленинградского издательства «Аврора», подготовившего в содружестве с издательскими фирмами Нью-Йорка, Лондона и Хельсинки роскошный фолиант.

Не хочется определять этот тип издания традиционным названием «альбом». Вернее сказать — это впервые осуществленная публикация избранных произведений художника: книжных иллюстраций, театральных декораций, станковых акварелей. Книгу открывает вступительная статья. Лишенная биографических подробностей и описаний, она рассматривает творчество И. Билибина в русле смены стилистических направлений конца XIX — начала XX веков, на фоне русско-европейских художественных связей.

Ну, а фактический материал?

Он вынесен в конец книги. Жизнь Билибина богата событиями. Сформировавшись как художник в Петербурге, он «волею судеб» много странствовал по свету: жил в Египте, во Франции. Но закончил свой путь в родном городе, разделив с ним трагическую судьбу в дни блокады.

Короткие авторские строчки летописи сопровождаются в книге многочисленными отрывками из писем, мемуаров, периодической печати прошедших лет и уникальными фотографиями. Многие из архивных материалов публикуются в этом издании впервые.

Итак, две книги. За ними две судьбы, две художнические индивидуальности, два человека, которых объединяло не только формальное участие в одном кружке, но и нечто большее: близость творческих принципов, стремление внести красоту в жизнь, опираясь на художественные достижения прошлых эпох.

О. ПЕТРОВ,
кандидат искусствоведения.

На снимках: И. БИЛИБИН. Обложка программы спектакля «Борис Годунов» (1908), с которого начались русские театральные сезоны в Париже; Л. БАКСТ. Эскиз костюма фавна к балету «Послеполуденный отдых фавна» (1912).

Фоторепродукции Ю. Подкидышева.

* С. В. Голынец. «Л. С. Бакст». Ленинград. «Художник РСФСР», 1981.

* Иван Билибин». Текст С. В. Голынца. Ленинград: «Аврора»; Лондон: «Пен Букс»; Нью-Йорк: «Абрамс». 1981-82 гг.

